Переводы

Предисловие к переводу / Note

Кризисы, изменения и трансформации

Степан В. Козлов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва;

Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310

Рекомендация для цитирования:
Козлов С. В. (2025) Кризисы, изменения и трансформации. *Социология власти*, 37 (2): 207-213.
EDN:

For citation:
Kozlov S. V. (2025) Crises, Changes, and Transformations. *Sociology of Power*, 37 (2): 207-213.

Поступила в редакцию: 17.01.2025; принята в печать: 10.03.2025
Received: 17.01.2025; Accepted: 10.03.2025

© Kozlov S. V., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Теория кризисов Пьера Бурдье — пример незавершенного исследовательского изобретения. Наряду с общей теорией полей (Bourdieu 2022) и теорией изобретений (Козлов 2025, Arnholtz 2018) оно продолжает формировать наиболее абстрактные точки интереса за пределами тех областей рефлексивной социологии, которые можно отнести к «нормальной науке». Ответы на вопросы о кризисах, инвариантных законах полей и изобретениях намечены на уровне примеров, эвристик и теоретических обещаний рефлексивной социологии, но не до конца прояснены. Работа с этими понятиями, осевшими во франкоязычной традиции рецепции Бурдье и не до конца «переведенными» в другие национальные контексты, — это вид академической инвестиции, для регулярного получения прибыли с которой необходимо постоянно реконструировать ключевые аргументы исследовательской программы, утверждая ее легитимность по отношению к консенсусу рецепции теоретика или теории. Задачу, которую ставит перед собой Жизель Сапиро в «Структурных кризисах...», можно описать именно так: сжато эксплицировать и доработать бурдьевистскую теорию (по-

литических) кризисов и суммировать результаты исследований литературного поля Франции в годы Второй мировой войны, предпринятые Сапиро в рамках докторской диссертации под руководством Бурдье (Sapiro 2014). Другими примерами такого рода реконструкций могут служить парадигматические статьи Горского (Gorski 2013) и Стайнмец (Steinmetz 2011), описывающие варианты рефлексивной социологии, в которых ключевую роль играет не идея воспроизводства социальной структуры, а описание и анализ социальных изменений, разрывов и резких социальных трансформаций. Характерно, что для того, чтобы сделать реконструкцию непротиворечивой, необходимо обратиться к фигуре противника; врагом для этих авторов (точнее, для *их* версий рефлексивной социологии) во всех трех случаях становится Бурдье как теоретик структур, встреча с которым возможна в учебных пособиях, программах курсов и иных суммативных текстах, не относящихся напрямую к практике социологического исследования. Ключевая линия критики такой картины, по разным причинам ставшей центральной в англо-американской науке[1], заключается в том, она упускает из виду важные эвристические инструменты, обеспечивающие возможность анализа социальных трансформаций и изменений и исторически присутствовавшие в программе Бурдье с самого начала. При должном усердии можно было бы составить атлас подобных риторических стратегий управления *неопределенностью теоретика* (выраженной в степени согласия его идейных наследников в том, как выглядела его программа «на самом деле») и связать его с социальными траекториями ученых, говорящих о своих предшественниках, однако эта задача точно выходит за рамки предисловия к переводу. Вме-

1 Здесь было бы интеллектуальным преступлением не обратиться к уже упомянутой статье Горского (2013), в которой тот демонстрирует, как образ Бурдье как теоретика структур складывался в англо-американском (а значит — интернациональном) поле социологии благодаря неравномерной динамике переводов ключевых текстов: в первую очередь переведены (а значит — объективированы в виде силлабусов и учебных программ) были «теоретические» тексты вроде «Практического смысла», в то время как эмпирически насыщенные работы (такие как *Homo Academicus*) оказались представлены иностранным читателям позже, когда предварительный канон уже сложился. Можно предположить, что в каждом отдельном случае динамика рецепции теоретика-предшественника зависит от уже устоявшихся в национальных и дисциплинарных контекстах способов «делать теорию» и «делать исследования». Несмотря на кажущуюся банальность этого тезиса, если принять его всерьез, он многое меняет не только для переводчиков, но и для эпистемологов, проблематизируя возможность «очистки» теоретических выводов теоретика для их объективации в виде учебников, программ курсов и учебных планов.

сто этого можно задать уточняющий вопрос — какой Бурдье реконструируется Жизель Сапиро в ее статье, с кем он борется и для чего?

Впервые описанная Бурдье на материале событий мая 1968 года в пятой главе *Homo Academicus* (Бурдье 2018) модель исследований социальных кризисов эвристик предполагает возможность исследования динамических механизмов, управляющих резкими социальными трансформациями и потрясениями. Легко понять, почему именно эта глава может выступить «недостающей массой» бурдьевистской социологии трансформаций (с целью обосновать возможность анализа трансформаций, в пику ортодоксальному прочтению Бурдье как теоретика воспроизводства, к ней обращаются все вышеперечисленные авторы): именно она представляет собой наиболее рафинированную попытку Бурдье ответить на вопрос о том, по каким правилам протекает борьба в социальном мире, правила которого оказываются поставлены под вопрос.

Учитывая, что большая часть текстов тематического блока этого номера «Социологии власти» критически обращаются к интуициям *Homo Academicus*, было бы излишним еще раз излагать основные положения бурдьевистской теории кризисов. Достаточно короткого перечисления. Социальный кризис, описанный Бурдье, был опытом нарушения границ, разделявших регионы социального пространства. Характерная для такого рода ситуаций риторика «исторического момента» связана с постепенной (и частично управляемой) синхронизацией временных рядов отдельных полей между собой, которая в конечном счете приводит к предельной *политизации* публичной речи и включению все большего числа агентов в символические и материальные переговоры о будущем социального мира.

В случае мая-1968 и событий структурного распада литературного поля Франции во время Второй мировой войны ответ на вопрос о причинах кризиса заключается в обращении к понятию *гистерезиса.* Это бурдьевистское понятие указывает на ситуации структурного «запаздывания» ожиданий агентов, возникающего во время резких трансформаций социальной структуры, ведущего к неверной оценке своих перспектив, разочарованию и обращению к основаниям социального порядка с целью их изменения, в виде этнографических сюжетов может быть обнаружено как в ранних алжирских исследованиях Бурдье, описывающих французские интервенции в жизнь Кабилии (Bourdieu 1962), так и в более «классических» и «теоретических» текстах — *Практическом смысле* (Бурдье 2001, с. 115–117) и *The Pascalian Meditations* (Bourdieu 2000, p. 160–161). Хотя термин *гистерезис* используется в «Структурных кризисах...» всего два раза, именно он выполняет функцию ключевой эвристики в этом тексте: Сапиро фокусируется на *разрывах механизмов воспроизводства* в качестве основной причины кризисных ситуаций. Из-за «запа-

здываний» часть агентов совершает *обращение* (*reconversion*), подобное академическому переходу самой Сапиро из философии в социологию (зеркально повторяющему путь Бурдье между дисциплинами), в то время другая часть попадет в социальное «нигде» и «никогда».

Хотя первая половина текста Сапиро представляет собой краткий реферат бурдьевистской теории кризисов, субстантивно в нем совершается шаг вперед: автор дорабатывает и переизобретает ряд тезисов Бурдье; это происходит во многом потому, что объект интерпретации не слишком последователен в терминах. Именно таким отношением к Бурдье — в режиме совместной работы по изобретению методов и понятий — можно объяснить создание Сапиро термина «фазовая гармонизация», описывающего структурное совпадение времен и повесток дня социальных полей, в обычном состоянии изолированных друг от друга институциональными и символическими барьерами (в схожей ситуации сам Бурдье использует термины «совпадение фаз» или «синхронизация» (Бурдье 2018, с. 333)). Так же в реконструкции Сапиро устранена двойственность роли политических организаций в ситуациях кризиса: у Бурдье, обладая частичной властью над процессом политизации, они часто оказываются бессильны в ситуации кризиса из-за столкновения с «перебежчиками», прошедшими в них школу, но встающих на сторону «стихийного» протеста в пику профсоюзам (Там же, с. 367) (это делает ситуации «спонтанных» социальных протестов еще более важными для исследователя). В свою очередь, модель Сапиро вменяет политическим организациям и коллективам власть над разворачиванием кризиса, в которой одну из центральных ролей играет не только способность к организации групп, но и риторика (см. заключение «Структурных кризисов...»). Такой продуктивно-легкомысленный подход в работе с теорией является одной из отличительный черт бурдьевистской традиции, в которой понятия могут быть описаны как мнемонические техники и способы фокусировки внимания исследователя в процессе полевой работы (подробнее см., например: (Mahar 1990)).

Центральная точка дополнения теории кризисов Бурдье, осуществляемой Сапиро, — понятие *аксиологических операторов*. Такого рода объекты — символические конструкты, упрощающие социальный мир через производство *иерархии ценностей* (например, делая одну группу «благородной», а другую «нечистой»). Аксиологические операторы выполняют работу экономии символических усилий, придавая социальному миру, потерявшему определенность, локальную видимость порядка, связанного с ценностными характеристиками. Как продукты кризисной ситуации, аксиологические операторы *прагматически трансцендентны* границам отдельных полей и эффективны постольку, поскольку не принимают в расчет гра-

ницы, в обычной ситуации разделяющие регионы социального пространства. Можно предположить, что с их помощью осуществляются как интервенции в традиционно изолированные поля (как в случае вишистских моделей оправдания насилия в адрес *résistants* как «террористов» и «предателей»), так и координация коллективного мышления (к примеру, при «работе» термина «незаинтересованность» в трудах европейских интеллектуалов (Sapiro 2021)) или координации действий бюрократических групп и агентов в относительно стабильных состояниях социального универсума (как в случае понятий «научно-технический прогресс» и «всесторонне развитая личность» в 1960–1980-е, символически направлявших развитие «развитого социализма» в СССР (Бикбов 2014)). В этом смысле эвристический потенциал аксиологических операторов шире кризисных ситуаций (несмотря на то, что «Структурные кризисы...» фокусируются именно на них): локальные способы вменения ценностной иерархии *вполне определенному* социальному порядку еще предстоит описать[1].

«Структурные кризисы...» — текст, демонстрирующий[2] сближение преимущественно структуралистской бурдьевистской традиции с проблематикой публичных споров, потрясений и кризисной риторики, которая чаще становится предметом внимания направлений в социологии культуры, традиционно описываемых как враждебные рефлексивной социологии (см., например: (Alexander 1995, p. 128–212))[3]. Симптоматично, что одновременно с движением рефлексивной социологии в сторону анализа (культурных) аксиологических операторов отдельные проекты в культурсоциологии смещаются к анализу институциональных и структурных параметров культурных кризисов (Alexander 2018). Таким образом, «работа» этого текста идет в двух регистрах: в первом Жизель Сапиро уточняет и стабилизирует теорию кризисов как одну из базовых исследовательских моделей рефлексивной социологии, открытой проблеме неопределенных ситуаций и исследованию социальных изменений; во втором она осуществляет стратегическое сближение с другими моделями мышления о культуре без слияния с ними.

1 Пример решения этой задачи на материале публичных источников — проект «исторической социологии понятий» Александра Бикбова (Бикбов 2014).

2 Другой яркий пример — исследование пространственных различений, структурировавших развитие Тель-Авива Натаном Маромом (Marom 2014).

3 Несмотря на то что Сапиро эксплицитно уточняет, что своей действенностью аксиологические операторы обязаны структурному контексту, в котором они конструируются, используются и применяются. Иными словами, значимость их «работы» в символических столкновениях не должна быть спутана с «автономией культуры».

Список источников / References

Бикбов А. (2014). *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательство Высшей школы экономики. EDN: VXAOKL

— Bikbov A. (2014). *Grammar of Order: A Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality*. Moscow: HSE Publishing. (in Russ.)

Бурдье П. (2001). *Практический смысл*. СПб.: Алетейя. EDN: QOGTMH

— Bourdieu P. (2001). *Practical meaning*. St. Petersburg: Aleteya. (in Russ.)

Бурдье П. (2018). *Homo Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара. EDN: HDSZPD

— Bourdieu P. (2018). *Homo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (in Russ.)

Alexander J. C. (1995). *Fin de siècle social theory: Relativism, reduction, and the problem of reason*. London; New York: Verso.

Alexander J. C. (2018). The societalization of social problems: Church pedophilia, phone hacking, and the financial crisis. *American Sociological Review*, 83(6), pp. 1049–1078. https://doi.org/10.1177/0003122418803376

Arnholtz J. (2018). Tensions, actors, and inventions: Bourdieu's sociology of the state as an unfinished but promising research program. In T. Medvetz & J. J. Sallaz (Eds.), *The Oxford handbook of Pierre Bourdieu* (pp. 576–600). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199357192.013.27

Bourdieu P. (1962). *The Algerians*. Boston: Beacon Press.

Bourdieu P. (2000). *Pascalian meditations*. Stanford: Stanford University Press.

Bourdieu P. (2022). *Microcosmes: Théories des champs*. Paris: Raisons d'agir.

Gorski P. S. (2013). Bourdieu as a theorist of change. In P. S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 1–15). Durham: Duke University Press. https://doi.org/10.1215/9780822395430-001

Mahar C. (1990). Pierre Bourdieu: The intellectual project. In R. Harker, C. Mahar, & C. Wilkes (Eds.), *An introduction to the work of Pierre Bourdieu* (pp. 26–57). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21134-0_2

Marom N. (2014). Relating a city's history and geography with Bourdieu: One hundred years of spatial distinction in Tel Aviv. *International Journal of Urban and Regional Research*, 38(4), pp. 1344–1362. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12027

Sapiro G. (2014). *The French writers' war, 1940–1953*. Durham and London: Duke University Press. https://doi.org/10.1515/9780822395126

Sapiro G. (2021). Against self-interest: The codification of „disinterestedness" as an axiological operator in religion, aesthetics, and the ethics of intellectual professions. In C. Zabel (Ed.), *Historicizing self-interest in the modern Atlantic world: A plea for ego?* (pp. 256–274). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003022749-15

Steinmetz G. (2011). Bourdieu, historicity, and historical sociology. *Cultural Sociology*, 5(1), pp. 45–66. https://doi.org/10.1177/1749975510389912

Об авторе / About the author

Козлов Степан Викторович — MA in Sociology, аспирант ИОН РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, руководитель Лаборатории исследований социальных изменений Шанинки (ЛИСИ). Научные интересы: социология неопределенности, историческая социология техники, история катастроф.

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Stepan V. Kozlov — MA in Sociology, graduate student at ISS RANEPA, lecturer of the Social Sciences department of MSSES, head of Laboratory of Social Change Research of Shaninka (LSCR). Research interests: sociology of uncertainty, historical sociology of technology, history of catastrophes.

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310. E-mail: ste.kozlov@gmail.com